

Встречи по вашим просьбам

СЛОВО О ПЕСНЕ

Галина НЕНАШЕВА.

МНЕ КАЖЕТСЯ, сейчас для песни настали очень хорошие времена, она, как говорится, на взлете. Она звучит по радио и телевидению в популярнейших передачах, грампластинки идут нарасхват.

У меня часто спрашивают: «Почему в вашем репертуаре много гражданских произведений?» Такие вопросы задают люди, которые, подобно некоторым критикам, привыкли все раскладывать по полочкам: это — «громкая», а это — «тихая» песня, это — «патристическая», а это — «лирическая». Могу только сказать, что пою для молодежи и стараюсь сказать о чем-то важном: о нашей Родине, о красоте ее лесов и полей, о счастье ходить по земле, которую наши отцы отстояли в грозном бою... Я хочу, чтобы мое понимание, мое волнение передавалось слушателям.

У каждого из нас, эстрадных певцов, своя дорога к

песне. Не всегда она прямая и накатанная. О себе могу сказать: моя дорога уж точно не была прямой.

Я начинала свою жизнь в искусстве 15 лет назад на профессиональной сцене, в оперном театре. Там меня научили понимать хорошую музыку. Дело в том, что у нас в роду никто никогда не пел и ни на каких музыкальных инструментах не играл. Так что я первая «нарушила» традицию. Пела я в хоре три года, а потом перешла в драматический театр. Играла Машеньку в «Живом труп», Вальку в «Иркутской истории». Дела мои шли вроде неплохо, но, честно говоря, я все время чувствовала какую-то неудовлетворенность собой, мне хотелось испытывать себя в чем-то другом. Мне казалось, что могу попытаться создать некий спектакль-песню. Чтобы в те минуты, что она звучит, укладывалась целая жизнь, трагическая или драматическая ис-

тория человека. Так я решила свою судьбу в пользу эстрады.

Я внимательно слежу за дискуссиями о современной песне. Наверное, можно сформулировать точнее, мне же кажется—это такое произведение, слушая которое, хочется задуматься, погрузиться, порадоваться. Я — за такую песню, которая заставляет людей слушать, и я против такой, которую слышишь и в то же время не слышишь, потому что она тебя ничем не задевает. И, конечно же, в настоящей песне должен быть оптимизм, вера в счастье—все то, что мы находим в народных песнях.

Я училась у прекрасных наших певцов, не будучи лично с ними знакомой: у Лидии Руслановой—неиссякаемой веселости, напевности, раздолбности; у Клавдии Шульженко—тонкости, теплоте, проникновенному лиризму; у Леонида Утесова—задушевности, юмору, ненаигранному оптимизму. И меня радует, что у многих современных молодых певцов есть свое лицо, своя манера исполнения.

Вот что написал мне один военнослужащий: «Я очень люблю песни, так как без них жизнь была бы серой и скучной. И в радости, и в горе они всегда с нами. Я могу очень долго слушать их, стараюсь не пропустить ни одного концерта по телевидению. У нас создается много песен, но далеко не все остаются жить. Почему же так происходит? Я думаю, что многое зависит от композитора и поэта, но и на исполнителя всегда должна ложиться большая ответственность за судьбу песни. Ведь прежде чем вынести ее на суд зрителя, певец сам должен понять ее и донести до зрителя каждое слово, донести

ее целиком, не расплескав ничего. И очень радостно, что такие исполнители у нас есть».

Мне кажется, в этом письме можно найти ответ на вопрос, какова роль певца в судьбе песни. Мне хочется петь так, чтобы полнее передать то, что в них есть: радость, удаля, размах.

Как складывается мой репертуар? Мне по сердцу не те, заведомо популярные вещи, а песни, которые могут помочь мне выразить свое отношение к жизни. Одна из таких—«Наша жизнь», стихи Инны Кашежовой, музыка Владимира Рубашевского. Она идет как монолог современника о том, что жизнь коротка, надо успеть сделать нечто важное, важное для людей и для родной земли. Исполняется она на одном дыхании, и меня радует, что эта вещь всегда находит отклик в зрительном зале.

В моей программе всего 18 песен, но это немало, этого вполне достаточно. Не обязательно исполнителю давать сольный концерт в двух отделениях. Пусть у него немного вещей в репертуаре, но зато пусть каждая будет открытием и откровением для слушателей! Концерт может длиться час, пусть полтора часа—не больше, но важно, чтобы в любую из этих 60 или 90 минут люди могли поплакать, посмеяться. Чтобы они слушали, размышляли, отдыхали. Я стремлюсь сделать такую программу, где бы каждое произведение продолжало и развивало содержание предыдущей, увеличивало ее эмоциональный заряд. В такой программе мне бы хотелось использовать свой опыт работы в опере, драме и на эстраде.

ПЕШЕНЕЦ
Г. В. В.

19 FEB 1974